
В ПОМОЩЬ УЧИТЕЛЮ ИСТОРИИ

С. В. КОНДРАТЬЕВ

Тюменский государственный университет

ПРЕДРЕВОЛЮЦИОННАЯ ШОТЛАНДИЯ

Ключевые слова: революция, Шотландия, Британия, Стюарты, Яков VI, Карл I, абсолютизм.

Key words: revolution, Scotland, Britain, Stuarts, James VI, Charles I, absolutism.

В современной историографии революции в Британии преобладает концепция «войны трех королевств» — Англии, Шотландии и Ирландии¹. Очевидно, что эта война шла не только между королевствами, но и внутри них. К сожалению, в отечественной литературе пока в полной мере не отражено участие Шотландии в революции середины XVII в. Данная публикация представляет из себя очерк о предреволюционной Шотландии, который в будущем, надеемся, станет частью готовящейся монографии о революции в Британии.

* * *

Шотландия была относительно небольшой и малонаселенной страной. Однако внутри нее географического, лингвистического и культурного партикуляризма было даже больше, чем в Англии. Географически в Шотландии выделялись три области: Горная Шотландия (Highlands), к которой примыкали Гебридские, Оркнейские и Шетландские острова, Равнинная Шотландия (Lowlands) на востоке и юге королевства и гористое отделяющее Шотландию от Англии Пограничье (Borders). В экономическом и политическом плане важнейшей областью королевства являлись южные равнинные плодородные земли, расположенные между графствами Файф на востоке и г Эр на западе. Эта территория была самой густонаселенной. С юга она ограничивалась холмами Южно-Шотландской возвышенности, которые отделяли ее от Англии, на севере — горами Северо-Шотландского нагорья. Прибрежные северо-восточные и южные районы Шотландии также обладали значительными объемами равнинной пригодной для обработки земли. Города и местности равнинной Шотландии были связаны между собой хорошими коммуникациями. В горах, пересеченных озерами и речушками, транспортное сообщение было затруднено. Основными транспортными коммуникациями для горной Шотландии служили морские перевозки. Понятно, что степень интеграции горной Шотландии была существенно ниже, чем равнинной. На севере Шотландии располагались Оркнейские и Шетландские острова с хорошо развитой агрикультурой².

Сергей Витальевич Кондратьев, доктор исторических наук, профессор, директор Института гуманитарных наук Тюменского государственного университета. Сфера научных интересов — история Английской революции XVII в., предреволюционной Англии, политико-правовая мысль Англии накануне революции. E-mail: skondratiev@utmn.ru.

¹ Кондратьев С. В. Английская революция XVII в. М., 2010. С. 3–34.

² Goodare J. State and Society in Early Modern Scotland. Oxford, 1999. P. 217.

Территориально горные районы в 5 раз превышали равнинные¹. Однако зажатая с севера и юга горами низменность была заметно лучше заселена. Современные демографы из-за слишком незначительного объема надежных данных очень осторожны в оценках численности населения Шотландии². Но они все-таки осмеливаются утверждать, что между 1560 и 1625 гг. население Шотландии должно было увеличиться с 700 тыс. до 1 млн человек, т. е. на 30%³. Если в Англии на одну квадратную милю в среднем приходилось 100 жителей, в Ирландии — 70, то в Шотландии только — 28⁴. На равнине проживала примерно половина жителей Шотландии⁵.

По общему мнению современников и историков, Шотландия была заметно более бедной страной, чем Англия, с более высокой инфляцией: если в 1565 г. за один английский фунт давали 6 шотландских, то в 1601 г. уже 12⁶. Чем Шотландия и превосходила Англию, так это числом университетов: против 2 английских, Шотландия могла представить 3 университета — в Сент-Эндрюсс, Глазго и Абердине. В 1582 г. был учрежден четвертый — Эдинбургский университет.

Современники выделяли в Шотландии три общности: шотландцев холмистого Пограничья, жителей равнины (центр, юго-запад и восточное побережье) и северных горцев. Все они отличались друг от друга образом жизни, культурой и даже языком. Пограничье и равнинная Шотландия говорили на близком английскому диалекте⁷. Шотландец из Файфа Дэвид Линдси писал о склонности жителей Пограничья к «грабежу, воровству, убийству и беспорядку». Живущих кланами северных горцев он характеризовал, как «праздных плутов», пребывающих в «небрежении, лени, обмане, бедности и раздорах». Собственных соседей по равнине Д. Линдси, впрочем, ставил также не очень высоко. Он упоминал об эгоизме, который пока еще уживается у них с принципом «общего блага»⁸.

Пограничье

Территориальные родственные и фамильные общности Пограничья сформировались в XIV–XV вв. как объединения, противодействующие постоянным английским вторжениям, вынужденные соединить ресурсы во имя общего выживания. Они населяли ущелья и равнины горного Пограничья. Естественная географическая локализация дополнительно сплачивала членов родственных семей и формировала чувство устойчивой солидарности. Влиятельные семьи бондами (*bind*), или соглашениями привязывали к себе лиц, не состоявших с ними в родстве, часто переселенцев или преступников с равнины, нуждающихся в защите, и создавали тем самым сильные конфедеративные объединения. Так, в начале XVI в. на западе Пограничья возникло объединение Максвеллов (*Maxwell*).

¹ Апрыщенко В. Ю. Клановая система горной Шотландии: традиции и модернизация. Ростов н/Д, 2006. С. 42.

² Wrightson K. *Earthly Necessities. Economic Lives in early Modern Britain*. New Haven, P. 127–128.

³ Ibid. P. 159.

⁴ Wormald J. *Court, Kirk and Community: Scotland 1470–1625*. Edinburgh, 1981. P. 166–167.

⁵ Houston R. A. and Whyte I. D. Introduction: Scottish Society in perspective // *Scottish Society 1500–1800* / Ed. by R. A. Houston and I. D. Whyte. Cambridge, 1989. P. 6.

⁶ Wormald J. *Op. cit.* P. 166–167.

⁷ О шотландском двуязычии см.: Nihtinen A.L.K. *Scotland's Linguistic Past and Present: Paradoxes and Consequences* // *Studia Celtica Fennica*. 2005. Vol. II. P. 127.

⁸ Goodare J. *State and Society in Early Modern Scotland*. Oxford, 1999. P. 217.

Жители Пограничья и с шотландской, и с английской стороны в течение XVI в. постоянно досаждали центральным правительствам Эдинбурга и Лондона тем, что устраивали разбойничьи набеги друг против друга, грабя мирных подданных и угоняя скот. Рейды не обязательно совершались только через границу — случалось, что объектом грабежа становились соотечественники. Более того, между отдельными родственными общностями могли вестись региональные войны. В конце XVI в. война велась между Максвеллами и Джонстонами (Johnston), в ходе которой каждая из сторон мобилизовывала до 2 тыс. бойцов. Последнее крупное вторжение шотландцев в Англию произошло в 1587 г.

Одним из способов борьбы с криминалом стало повышение эффективности администрирования на границе. Английское государство держало в пограничном Бервике специальный гарнизон, способный бороться с рейдерами. Центральные правительства создали с обеих сторон границы по три марки, которые с большим успехом со стороны Англии и меньшим со стороны Шотландии пытались осуществлять контроль за Пограничьем. Со стороны Шотландии особые должностные лица (warden), шерифы на границе и специальные разъездные суды должны были вести борьбу с уголовными преступлениями, в особенности убийствами, грабежами, изнасилованиями и поджогами. Знать с обеих сторон границы старалась долгое время также найти решение криминальной проблемы.

С начала XVI в. другим важным инструментом успокоения границы стали договоренности и соглашения (bond). При заключении общего бонда приграничной знати главы семей и родов делались ответственными за поведение своих членов. Нарушение мира предполагало наложение штрафных финансовых санкций и добровольную выдачу правосудию преступников. Когда бонды не помогали, должностные лица брали в заложники членов заподозренных в преступлениях семей. После проведения в Шотландии Реформации в 1560 г. прошлая враждебность между двумя британскими государствами пошла на спад, и Шотландия начала предпринимать усилия, дабы успокоить Пограничье.

После 1603 г. тенденция на усиление контроля центральной власти за Пограничьем получила развитие. Корона и правительство давали понять, что хотят как можно быстрее добиться интеграции Пограничья и Высокогорья и их элит в шотландское общество. Провозглашалась политика даже лишения кланов их родовых фамилий, если они отказывались принимать и перенимать установленные порядки и правила. Цивилизацию (в эдинбургском ее понимании) в Пограничье и Высокогорье приходилось продавливать.

В 1605 г. была создана специальная совместная комиссия из 5 шотландцев и 5 англичан, которая с помощью приданных ей двух военных контингентов должна была выполнять на границе полицейские функции и преследовать грабителей как по шотландским, так и по английским законам. Ее деятельность спустя 4 года была признана успешной, хотя окончательно покончить с разбойничьими набегами не удалось, косвенным подтверждением институциональной слабости комиссии стало перезаключение общего пограничного бонда в 1612 г. Вновь к решению проблемы умиротворения и разоружения Пограничья вернется уже Карл I¹.

¹ Ibid. P. 218–221, 257–263; Macinnes A. I. *British Revolution, 1629–1660*. Hundmills, 2005. P. 55–57; Whyte I. D. *Scotland's Society and Economy in translation, c. 1500 — c. 1760*. Basingstoke, 1997. P. 78–83.

Равнинная Шотландия

Равнинная Шотландия была наиболее развитой в социальном и экономическом плане территорией. Ее сельские жители специализировались на производстве злаковых культур, среди которых преобладали овес и ячмень¹. Земля, как и в Англии, считалась главным показателем благосостояния. Никто не скрывал желания владеть землей и умножать земельный фонд. Каждая семья стремилась к этому, что, однако, не исключало фрагментации поместий из-за распыления владений между наследниками. Сельская Равнинная Шотландия представляла из себя значительное количество поселений, за пределами которых тянулись поля разнообразных по статусу держателей.

Самой распространенной формой землепользования в Шотландии было наследственное держание коронных земель (*feuing, feu-farm*), которое предполагало выплаты держателями ежегодных фиксированных рент и некоторых казуальных платежей. Положение таких держателей оказывалось, особенно в условиях инфляции, наиболее благоприятными. Как правило, ими в Равнинной Шотландии были лэрды (подобие английского нетитулованного дворянства) и богатые крестьяне (подобие английских фригольдеров). С начала XVI в. наблюдался процесс перевода в держание типа *feuing* церковных земель, которые по закону запрещалось отчуждать. С 1530 г. были изданы тысячи хартий, фиксирующих упомянутый перевод земель. Особенно быстрым процесс отчуждения земель (*feued out*) стал в 1560-е гг., после проведения шотландской Реформации. Фактически в Шотландии XVI в. быстро прошла секуляризация церковной земельной собственности. Ее обрели знать (3%), лэрды (29%), члены профессиональных корпораций, прежде всего юристы (3%), и состоятельные жители городов (8%). 44 % новых держателей принадлежали к более низким категориям населения, часть из них сумела в результате подняться до уровня лэрдов. В ходе описанной трансформации четко обозначилось стремление сводить разрозненные держания в единый массив. Нередко владелец крупного *feuing* с целью получения прибыли распределял его среди более мелких держателей².

Размеры держаний не были универсальной величиной: на северо-восточных пригодных к обработке землях держания были небольшими по объему, но к югу, к Лотьяну, они заметно увеличивались. В юго-западных равнинных графствах держания вновь оказывались небольшими³. Баронии магнатов представляли из себя совокупность крупных, держателями которых были лэрды, и более мелких ферм, переданных крестьянам. В документах крупных держателей именуют часто таксменами (*tacksmen*). Последние ежегодно вносили рентные платежи и получали земли на определенный период. Трудно сказать что-то конкретное о положении держателей земель в Равнинной Шотландии. Исследователи отмечают: в середине XVI в. не меньше половины держателей получали свои владения и участки на срок жизни, еще 20–30% на 19 лет. Пожизненные держания, как правило, были наследственными обычными держаниями. Положение держателей стало меняться под воздействием инфляции и в результате смены владельцев земель в конце XVI — начале XVII в., когда держания становятся краткосрочными и наблюдается повышение рентных платежей⁴. В предреволюционный период примерно 5% дер-

¹ Wrightson K. *Earthly Necessities. Economic Lives in Early Modern Britain*. New Haven, 2000. P. 88.

² Ibid. P. 144–145.

³ Whyte I. D. *Population Mobility in early modern Scotland // Scottish Society 1500–1800 / Ed. by R. A. Houston and I. D. Whyte*. Cambridge, 1989. P. 39–40.

⁴ Sanderson M. H. B. *Scottish Rural Society in the Sixteenth Century*. Edinburgh, 1982.

жателей владели землей по 20 лет и более. Еще 37% — по 5 и менее лет. Некоторые из таких держателей разорялись и превращались в коттеров. С большинством держателей контракты перезаключались ежегодно, и их ставки определялись рыночной конъюнктурой. Статус последних, которых можно назвать арендаторами, был наименее защищен законом, поскольку они полностью зависели от благосклонности лорда и его готовности перезаключать контракты¹.

Лидерство и обязанность поддерживать порядок в обществах Равнинной Шотландии принадлежали знати и лэрдам. Всего это примерно 10 тыс. человек, из которых 1,5 тыс. относились к верхам общества². В 1603 г. в Шотландии насчитывалось 57 пэрских семейств, число которых за полстолетия увеличилось за счет представителей младших ветвей и лэрдов вдвое, до 119 семей³, что говорит о значительной открытости знатной шотландской элиты, наличию внутри нее разнонаправленной мобильности, а также о готовности власти подвергнуть девальвации благородный статус аристократии. В то же время родственные и территориальные связи внутри шотландской знати обладали значительной устойчивостью, и это консервировало лидерство семейств и родов на определенной территории в течение продолжительного времени, как, например, это было свойственно Кембеллам в графстве Аргайл. Как правило, ведущая семья принимала у себя юных отпрысков побочных ветвей фамилии, дополнительно скрепляя род. Реформация отчасти усилила позицию знати, ибо аристократы заняли те места в парламенте и государственном управлении, которые раньше занимали клирики. Одновременно знать стала более зависима от укрепляющейся королевской власти, от ее пенсий и должностей⁴.

Имущественное и финансовое положение знати в последние десятилетия XVI — начале XVII в. ухудшилось. Повинны были инфляция и сокращение рентных платежей в реальном выражении. Частые неурожаи 1580 и 1590-х гг. и необходимость вести образ жизни, соответствующий статусу, побуждали аристократию брать кредиты под залог земли и нередко разоряться. В 1620 г. в долговой тюрьме умер граф Крофорд. В 1624 г. всех шокировало самоубийство запутавшегося в долгах графа Лотиана. Усилилось налоговое давление со стороны крепнувшего государства, которое до 1600 г. редко прибегало к этому инструменту пополнения казны. С 1612 г. налоги стали взиматься ежегодно⁵.

Традиция, опирающаяся на столетиями культивируемое чувство солидарности, родства и сопричастности, консервировала клиентельно-патронатные отношения. Лорды со своими лэрдами подписывали соглашения (бонды) с обязательствами взаимной поддержки. Между 1450 и 1603 г. было подписано не менее 800 таких бондов⁶. Система родственных и клиентельно-патронатных связей цементировала иерархическую системность в равнинных регионах и поддерживала стабильность. Кроме того, повсеместно сохранялась баронская юрисдикция магнатов, позволяющая им вести судопроизводство в провинциях. Для шотландских лордов⁷, живущих на родине, а не при дворе,

¹ Ibid. P. 50; Wrightson K. Op. cit. P. 71–72.

² Smith D. L. History of Modern British Isles 1603–1707. Double Crown. Blackwell, 1998. P. 14.

³ Whyte I. D. Scotland's Society and Economy in translation, c. 1500 — c. 1760. P. 3–4, 9, 11–12.

⁴ Ibid. P. 4–6.

⁵ Ibid. P. 12–14. Brown M. K. Aristocratic Finances and the Origins of the Scottish Revolution // English Historical Review. 1989; 104(140). P. 46–87.

⁶ Wormald J. Op. cit. P. 30.

⁷ Именно с начала XVII в. в обиход шотландской аристократии входит обращение «Lord» вместо привычного ранее «Master».

характерно было неформальное обращение со своими клиентами и держателями, отсутствие четкого этикета.

Ниже знати стояли лэрды. Лэрдские семьи, особенно после передачи светским лицам земель церкви, существенно различались по степени богатства и влияния. Среди них были и те, кто сам обрабатывал свою землю, и те, кто по своему богатству и влиянию не уступал знати. Лэрды доминировали среди должностных лиц местных администраций. Поскольку в большинстве лэрды были держателями земель, их состояния в условиях инфляции и подолгу не меняющихся рентных ставок росли. Состоятельное дворянство ценило образование и, следуя аристократии, отправляло своих детей в университеты и за границу.

После Реформации из числа лэрдов — особенно часто в сельских приходах — рекрутировались приходские старейшины. Наряду с городской торговой элитой, юристами и кальвинистским духовенством лэрды все активнее претендовали на политическое лидерство, еще недавно прочно удерживаемое знатью. При Якове VI лэрды стали все чаще занимать влиятельные позиции при дворе и органах центрального и местного управления. Именно за счет лэрдов король чаще всего пополнял и увеличивал ряды титулованной аристократии. Исследователи даже выделяют так называемую «старую» и «новую» аристократию. Последняя обрела богатство и влияние благодаря близости к монарху и должностям. В 1587 г. Яков VI привлек впервые лэрдов разных графств в парламент, где они получили более 100 мест¹.

Консервация отношений в сельском обществе Равнинной Шотландии объясняется еще и тем, что из-за более низкой чем в Англии плотности населения предреволюционная Шотландия не столкнулась еще с проблемой безземелья и перенаселенности. В принципе у каждого крестьянина был реальный шанс получить небольшой земельный надел. Вот, видимо, почему держатели и работники не покидали родную местность, а в пределах одного поместья перемещались от фермы к ферме. Между 1600 и 1717 гг. примерно 16% держателей поменяли свои фермы в границах одного поместья. 76% таких «подвижных» держателей переместились всего на 5 км, а 54% — и того меньше, на 3 км. Практика держания в Равнинной Шотландии позволяла держателям менять участки, не прибегая к отдаленным переездам, т. е. перемещаться буквально в пределах соседской округи. Крупные держатели разорялись гораздо реже, чем мелкие, и представляли доминантную группу в Равнинной сельской Шотландии. Равнинная Шотландия, как и Англия, обладала большим числом молодых людей мужского и женского пола, которые были вынуждены мигрировать в поисках лучшей доли. Они оставляли отцовские дома и нанимались на другие фермы или отправлялись в города, где становились работниками и слугами в домах процветающих горожан. Причем оплатой их труда служило денежное вознаграждение и продуктовый паек. Уже в XVI в. наемные работники в равнинной сельской Шотландии стали значительной по численности группой. Их наличие отмечается в XVII в. на Оркнейских, Шетландских и Гебридских островах и даже в горах. Но, конечно, наемные работники в основном преобладали в Равнинной Шотландии. Наем, как правило, производился на год, после чего работник обычно менял хозяина. В отличие от Англии наемные слуги и работники в Шотландии предпочитали не расставаться с малой родиной и искали работу относительно неподалеку от места рождения².

В условиях инфляции, роста населения и консервативного ведения сельского хозяйства в Шотландии наблюдались рост рентных платежей, реальное сокращение за-

¹ Whyte I. D. *Scotland's Society and Economy in translation, c. 1500 — c. 1760*. P. 10–12.

² Houston R. A. and Whyte I. D. *Op. cit.* P. 10–12; Whyte I. D. *Op. cit.* P. 50–52.

рабочей платы и ухудшение жизненных стандартов. Шотландия сталкивалась со случаями общенационального голода в неурожайные годы. Такие бедствия пришлось на 1585–1587, 1594–1598, 1621–1624, 1649–1651 гг.¹ Видимым проявлением нищеты становилось бродяжничество и нищенство. Первые элементы благотворительности появились после Реформации в пресвитерианских приходах. В 1575 г. парламент принял закон о бедных, предписывающий приходам собирать налоги для поддержки бедняков. Этот и последующие за ним законы, однако, не создавали принудительного механизма для проведения сборов и не устанавливали налоговых ставок². Еще одним следствием плохих жизненных стандартов стала значительная эмиграция из страны, которая усилилась после 1610 г. До начала революции страну покинуло приблизительно 90 тыс. человек. От 20 до 30 тыс. мелких держателей и коттеров с юго-запада Шотландии переселились в Ольстер. Остальные отправились преимущественно в качестве солдат по найму в Скандинавию и Польшу участвовать в Тридцатилетней войне. С 1625 по 1642 г. правительство продало столько лицензий, что это позволило набрать в Шотландии 47 тыс. солдат³.

Города

Города Шотландии располагались преимущественно на равнинных землях центральной и прибрежной Шотландии. Хотя они были центрами ремесла и торговли, удельный вес сельского населения, наемных работников и слуг в городах превышал многократно число купцов и ремесленников. Например, в 1604 г. в Глазго из 7–8 тыс. горожан только 361 принадлежали к различным гильдиям ремесленников и 213 — к гильдии купцов⁴. Среди жителей ремесленники преобладали над купцами⁵. В структуре ремесла доминировали производства изделий из шерсти и кожи. Торговлю шерстью контролировали в основном купцы, но в торговле кожей ремесленники занимали важные позиции. Например, в Эдинбурге гильдия купцов контролировала 31% продаж шкур, остальной рынок почти целиком принадлежал ремесленникам⁶.

Шотландия была гораздо хуже урбанизирована по сравнению с Англией. С точки зрения статуса города были либо королевские, либо находились под контролем магнатов, которые держали в них свои баронские суды. К началу XVII в. в шотландских городах проживало 3% населения, тогда как в Англии — 6%. Число городов в Шотландии было значительным, но в большинстве из них не было и 3 тыс. жителей. Всего 5 шотландских городов — Эдинбург, Глазго, Перт, Абердин и Данди — в 1603 г. насчитывали свыше 5 тысяч жителей. Лидерство, бесспорно, принадлежало Эдинбургу. В столице в 1560 г. проживало уже 12 тыс. человек, а в 1635 г. — 20–25 тыс. Число жителей больших шотландских городов в XVI в., видимо, удвоилось. А между 1600 и 1700 гг. произошло новое удвоение горожан. Численность городов росла в значительной степени за счет миграций. Переселялись не только равнинные жители, но и горцы. Современные исследователи отмечают медленно нарастающий темп миграции из высокогорья на равнину.

¹ Wrightson K. *Op. cit.* P. 145–146, 184, 187, 198.

² Goodare J. *Government of Scotland 1560–1625*. Oxford, 2004. P. 120–121; Sharpe J. A. *Economic and Social Context // Seventeenth Century* / Ed. by J. Wormald. Oxford, 2008. P. 173.

³ Wrightson K. *Op. cit.* P. 221–222.

⁴ Smith D. L. *Op. cit.* P. 14.

⁵ Lynch M. *Continuity and change in urban society, 1500–1700 // Scottish Society, 1500–1800* Ed. by R. A. Houston and I.D. Whyte. Cambridge, 1989. P. 107.

⁶ *Ibid.* P. 108.

Ситуация с урбанизмом в Шотландии имела некоторые отличия от английской: в Эдинбурге в конце XVII в. проживало 5% населения Шотландии, тогда как в Лондоне — 10,6% населения Англии. Но шотландские города гораздо меньше зависели от столицы. Эдинбург не играл в Шотландии такую роль в национальном масштабе, как Лондон в Англии. Эдинбург и Глазго были абсолютными лидерами в Шотландии по привлечению мигрантов, за счет которых они и росли. Но основными поставщиками мигрантов (75 % от общего числа) была ближайшая сельская округа в радиусе 40 километров от этих двух центров¹.

Крупные города довольно далеко продвинулись в создании системы филантропии и помощи бедным. Некоторые из них в обязательном порядке взимали с состоятельных горожан платежи в пользу бедных. В частности, Эдинбург уже с 1592 г. впервые установил ставки налога на бедных. Во время голода 1621 г. Эдинбург принудительно собрал более 2,5 тыс. фунтов. Размеры платежей определяли городской совет и церковные сессии. Обязательность не исключала добровольность. В Эдинбурге ежегодные филантропические взносы с 1618 г. по 1632 г. возросли с 3,5 до 10 тыс. фунтов. Во время голода 1621–1624 гг. примерно 400 человек (1,5 % от числа жителей) в Эдинбурге получали вспомоществование².

Горная Шотландия

Горная Шотландия культурно-антропологически отличалась от Равнинной: ее население, во-первых, говорило по-гэльски, во-вторых, жило совершенно особыми общностями — кланами. Клан был специфическим организмом. Входящие в него семьи и родовые объединения были связаны родственными узами, ассоциированными отношениями, признавали вассальную зависимость от вождя и имели общее наименование. Клан был патерналистской и одновременно открытой общностью, постоянно инкорпорирующей в свою среду семьи и лиц, нуждающихся в покровительстве. Основная задача клана состояла в том, чтобы увеличивать число бойцов, готовых оборонять сородичей и территории. Вождь клана давал его членам защиту, выступал арбитром в спорных ситуациях и стремился либо вообще не подчиняться какому-то внешнему авторитету, либо свести это подчинение к минимуму. Члены клана одновременно являлись держателями наделов, которые они возделывали. Земли, принадлежащие клану, распадалась на отдельные территории, которые контролировались крупными держателями (*tacksman*), часто родственниками вождя клана, признающими его авторитет. Рядовые члены платили ренты за свои держания и несли различные повинности, кроме того, они обязаны были вступать в ополчение по призыву знати и вести войну или участвовать в мятеже под руководством вождя клана. Клан был автономным организмом, почти не подверженным влиянию извне. Равнинные шотландцы писали о горцах с чувством превосходства. Иностранцами и жителями Равнинной Шотландии горцы рисовались людьми отсталыми, невежественными и склонными к бунту³.

Поскольку в горах практически не было земли, пригодной для обработки, горцы почти не знали земледелия. Основным их занятием являлось скотоводство. Скот и продукты животноводства составляли главные статьи обмена в горах и являлись товарами, которые жители гор поставляли на равнину. Ренты и налоги горцы выплачивали как в

¹ Whyte I. D. Population Mobility in early modern Scotland. P. 38–39, 44–45.

² Stewart L. A. M. Poor relief in Edinburgh and the famine of 1621–24 // *International Review of Scottish Studies*. 2005. Vol. 30. P. 5–41.

³ Sharpe J. A. *Economy and Society // Sixteenth Century* / Ed. by P. Collinson. Oxford, 2002. P. 19–21.

денежной, так и натуральной форме. Ставки рент в течение XVI в. росли, но были в целом невысокими¹.

Хайленд и Лоуленд до середины XVIII в. оставались в значительной степени закрытыми друг от друга территориями, хотя в горы регулярно совершали путешествия купцы, священники пресвитерианской церкви и военные. Существенно меньше информации о мобильности в горной Шотландии. Современные исследователи отмечают медленно прогрессирующий рост миграции из высокогорья на равнину. В отличие от Англии в Шотландии не наблюдалось, видимо, из-за недостаточной плотности населения и рельефа гор, стремления превращать выпасы в пашни. К тому же члены высокогорных кланов владели пастбищами сообща и готовы были солидарно, с оружием в руках отстаивать свои права. Видимо, поэтому в горную Шотландию не проникла, в отличие от других регионов Европы, индустрия в виде рассеянной мануфактуры².

Шотландские монархи постоянно говорили, что Горная Шотландия является составной частью их королевства. Но контроль центра за горной периферией был, скорее, номинальным, чем реальным. О незначительной степени интеграции Горной Шотландии свидетельствует тот факт, что горцы, за исключением представителей клана Кембеллов, а с 1590-х гг. и клана Макинзи, не заседали в парламенте, их знать не обладала, за редким исключением, пэрскими титулами. Если центральная власть и назначала своих представителей из числа горцев, то это относилось только к графствам Аргайл и Бут. В остальные графства должностные лица присылались из Равнинной Шотландии. Время от времени шотландские короли сами совершали вооруженные рейды в горы и на острова, дабы привести мятежные кланы в повиновение, прекратить межклановые войны, собрать вассальные ренты и попытаться создать структуры королевского управления. Вожди легко признавали королевский сюзеренитет, поскольку монархия долгое время по причине слабости не вмешивалась во внутреннюю жизнь кланов и в межклановые отношения. Если в сельской Равнинной Шотландии и Пограничье королевскую власть представляли прежде всего многочисленные шерифы, то на всю западную Горную Шотландию приходилось в начале XVI в. всего два шерифа. На северо-востоке шериф располагался в Инвернесе, юрисдикция которого за пределами города игнорировалась сплошь и рядом³. В течение XVI в. число шерифов, конечно, выросло, но незначительно.

В начале XVI в. корона старалась контролировать западных горцев через графа Аргайла из клана Кембеллов и восточных — через графа Хантли из клана Гордонов, которые получили от нее должности лейтенантов (наместников), дающие возможность делегировать полномочия, осуществлять административные и судебные функции. Правительство предпринимало шаги, чтобы ограничить области применения старинных гэльских правовых норм. В 1504 г. появился статут, который ставил шотландские законы выше гэльских норм, после чего постепенно исчезают наследственные традиционные судьи (*brieve*), способные разбирать дела по гэльскому праву⁴.

Те шаги, которые корона предпринимала уже в первой половине XVI в., показывают, что она постепенно склонялась к тому, чтобы инкорпорировать в политическую и придворную элиту Шотландии клановых вождей. Ей, следовательно, нужно было изменить их статус, внести коррективы в культурную идентичность, подорвать традицион-

¹ Арыщенко В. Ю. Клановая система горной Шотландии... С. 89–105.

² Whyte I. D. Population Mobility in early modern Scotland. P. 53–54.

³ Goodare J. State and Society... P. 223–233; Idem. Government of Scotland 1560–1625. P. 220–221.

⁴ Goodare J. State and Society... P. 228–223.

ные узы родства и солидарности, распространить на горную часть действие шотландского права и языка. Эту программу в значительной степени реализовал Яков VI.

Королевская власть при Якове VI существенно продвинулась в деле инкорпорирования вождей кланов, их родственников и приближенных в состав шотландской аристократии и усилила свое присутствие на севере. В 1587 г. парламент принял ряд статутов, возложивших ответственность на вождей кланов за преступления, совершенные их сородичами и членами. С 1595 г. корона начинает собирать с вождей рентные платежи за землю. Она побуждает отказываться от традиционных способов разрешения споров в пользу королевских судов. В 1597 г. был принят статут, обязывающий вождей кланов в течение 6 месяцев явиться в Эдинбург и внести себя в специальный регистр. Примерно с этого времени начинается колонизация равнинными шотландцами Хайленда. Первая такая колония появилась в 1598 г. на острове Льюис. Затем началась колонизация острова Скай. Колонизация островов и Горной Шотландии была бы невозможна, если бы не поддерживалась элитой некоторых влиятельных кланов и прежде всего Кембеллами и Макензи, которые сотрудничали с правительством.

В 1609 г. были приняты так называемые «статуты Ионы», которые запрещали горцам хранить огнестрельное оружие, предписывали вождям бороться с бардами, ретранслирующими от поколения к поколению нормы традиционного воинственного и одновременно солидарного поведения, и отправлять старших детей обучаться в школы Равнинной Шотландии. Тогда же были захвачены вожди наиболее воинственных северных кланов: Макдональды, Маклины, Рональды и другие, которых привезли в Эдинбург и принудили подписаться под статутами.

Корона не ставила задачу экспроприации земель у горцев, говорящих по-гэльски. Она стремилась к их ассимиляции и инкорпорированию. Только территории трех строптивых кланов были изъяты между 1607 и 1625 гг. — Макдональдов, населяющих полуостров Кинтайр и остров Айли, Маклеодой с острова Льюиса и Маклинов с полуострова Арднамурхен. В особую немилость попал строптивый клан Макгрегоров. В 1603 г. Тайный совет постановил клану Макгрегоров изменить родовое имя либо подвергнуться истреблению. В 1611 г. было разрешено убивать Макгрегоров только за то, что они носят это имя. Непокорные кланы выдавливались с их территорий. Они были вынуждены переселяться в том числе в другие страны¹.

Королевская власть, не имея достаточных собственных ресурсов, для подчинения горной части опиралась на лояльные могущественные кланы. Кооперация с властью позволяла этим кланам расширять свое влияние, подчинять другие кланы и даже с санкции короны аннексировать территории своих врагов. Те же Кембеллы во главе с графом Аргайлом имели земли на равнине и были представлены при королевском дворе. Они в качестве королевских лейтенантов участвовали в подавлении воинственных Макдональдов в 1614 г. Сама власть несколько раз в начале XVII в. организовывала экспедиции на прибрежные территории северо-западного высокогорья, дабы усмирить мятежные кланы и переселить их в другие части Хайленда.

В 1616 г. Тайный совет постановил, что никто в горной части не может наследовать землю, если не обучен говорить, читать и писать по-английски. Уже к началу революции данная мера привела к сокращению использования гэльского языка, и началась коррекция традиционного кодекса поведения горцев².

¹ Goodare J. Government of Scotland 1560–1625. Ch. 10. Апрыщенко В. Ю. Клановая система Горной Шотландии: традиции и модернизация. Ростов н/Д, 2006. С. 106–117.

² Ibidem.

Шетландские и Оркнейские острова

Шетландские и Оркнейские острова расположены северо-восточнее Шотландии. Рельеф первых в основном идентичен Горной Шотландии — холмистая местность и немного пригодной для обработки земли. Вторые обладают плодородными равнинными богатыми растительностью низменностями. Жили здесь выходцы из скандинавских стран, говорившие на близком к норвежскому языку диалекте. Долгое время острова принадлежали Дании, но в конце XV в. их интенсивно заселяли выходцы из равнинной Шотландии, язык которых постепенно вытеснил скандинавскую речь. Жители Шетландских островов занимались преимущественно ловом рыбы в прибрежных водах. В гаванях островов пришвартовывались корабли из стран Северной Европы и Германии, дабы освободить свои трюмы от товаров и набить их сельдью. На Оркнейских островах процветало сельское земледельческое хозяйство¹.

Окончательный суверенитет Шотландии Стюарты установили над Шетландскими островами в 1611 г., а над Оркнейскими — в 1614 г., упраздняя местные скандинавские обычаи и устанавливая нормы шотландского права. Основная заслуга в реализации этих планов принадлежит епископу Оркнейскому Джеймсу Ло. В 1615 г. короне удалось схватить и казнить Патрика Стиворта, графа Оркни, владения которого были конфискованы. Установление окончательного контроля над островами позволило Стюартам начать задумываться о вытеснении голландских ловцов сельди из прибрежных британских вод.

Экономика и торговля

Экономика Шотландии в XVI–XVII вв. находилась на европейской периферии. Из шотландских портов везли в Англию, на континент и в Скандинавию шкуры, рыбу, грубые сукна, льняные полотна, уголь, свинец, соль. В портовые города восточного побережья Шотландии суда из Швеции доставляли лесоматериалы, железо и пеньку. Из Европы транспортировали предметы роскоши. Если Англия в начале XVII в. пыталась утвердиться в Новом Свете, Африке и Вест-Индии, то горизонт шотландских купцов и мореплавателей не простирался дальше Северного моря, Балтики, побережья Франции и заселяемого шотландскими пресвитерианами ирландского Ольстера. Общий объем внешнеторговых операций шотландских купцов составлял, вероятно, не более 4% от того, что делали англичане².

С конца XVI в. в Шотландии стал наблюдаться подъем промышленности и торговли. Быстро рос экспорт угля и производство соли. Из залива Ферт оф-Форт отправлялись баржи с углем. В 1570-х гг. ежегодный экспорт угля составлял 5 тыс. тон, в 1614 г. — 15 тыс. тонн, а после 1621 г. экспорт вырос до 25 тыс. тонн. Примерно так же рос экспорт свинца. За этот же период практически утроился импорт железа из Швеции и удвоился импорт пеньки. Революция в Голландии фактически прервала поставки голландской соли в Испанию, что позволило Шотландии наращивать ее производство и экспорт. За непродолжительное время экспорт шотландской соли вырос в 8 раз³.

В начале XVII в. предприниматель Джордж Хей (Hay) начал добывать железную руду в районах Горной Шотландии, контролируемых кланом Макензи.

¹ Orkney and Shetland: history and language <http://www.lotpublications.nl/publish/articles/000815/bookpart.pdf>

² Smith D. L. Op. cit. P. 14; Wrightson K. Op. cit. P. 176–177; Lynch M. Op. cit. P. 85–105.

³ Lythe S. G. E. Economy of Scotland in its European setting, 1550–1625. Edinburg, 1963.

Шотландские рыбаки активно вылавливали лосося и селедку в прибрежных водах, которую затем вывозили в Европу. Однако из-за отсутствия достаточных средств шотландцы нередко не могли соперничать в добыче рыбы с голландцами, которые в 1594 г. получили от шотландской короны право на вылов рыбы в шотландских прибрежных водах.

Королевская власть, не скрывая своей заинтересованности в развитии промышленности и торговли, все-таки, опасаясь социальных катаклизмов, больше защищала потребителей, чем экспортеров. Она нередко вводила ограничения на вывоз продовольствия, соли и угля. Стремясь увеличить доходы казны, государство поощряло развитие передовых производств, предоставляя монопольные патенты. Между 1587 и 1642 гг. было предпринято 24 попытки основать производства бумаги, фаянса, стекла, пороха, мыла, сахара и проч. Успешными оказались только производство стекла уже упомянутого Джорджа Хея, который даже поставлял свои стаканы в Лондон, и мыловарни Натаниеля Удварда¹.

Уния корон 1603 г. означала, что французский рынок для Шотландии окончательно потерян, а английский остается закрытым, поскольку английский парламент был твердым противником принципа свободы торговли между двумя странами.

Для противодействия экспансии голландских рыбаков правительство Карла I попыталось создать несколько англо-шотландских рыбацких сообществ. Планировалось привлечь в проект купеческий капитал, который должен был помочь построить и оснастить 200 крупнотоннажных современных рыбацких судов. Предполагалось, что эта флотилия займется добычей сельди у побережья Шотландии. Однако шотландцы усмотрели в проекте угрозу национальным интересам, и переговоры закончились безрезультатно.

В экономике и торговле ведущую роль играла так называемая большая четверка городов — Эдинбург, Абердин, Данди и Перт, которые на протяжении 1535 и 1613 гг. платили в казну более половины всех городских налогов. С началом XVII в. к ним прибавился Глазго. Города занимались внутренней и внешней торговлей. Высокогорье поставляло на рынки равнинных городов лесоматериалы и скот, которые обменивало на зерновые. В экспортно-импортных операциях доминировали купцы Эдинбурга, которые в конце XVI в. получали до 75% всех доходов от внешней торговли. Если в 1500 г. купцы столицы платили 57% от всех экспортных пошлин, то в 1600 г. — уже 72%². Некоторые из них владели целыми флотилиями торговых судов. Купцы вкладывали деньги в добычу свинца, угля, производство соли, переработку и транспортировку сельди, пивоварение, производство канатов и тканей. В 1642 г. богатый эдинбургский купец Уильям Дил, покупая в Денбаре фабрику по переработке сельди, заплатил 60 тыс. мерков³. В 1618 г. мощности сообщества пивоваров оценивались в 40 тыс. мерков⁴.

Половина эдинбургских купцов занималась ростовщичеством и ссужала деньги под процент. Поскольку Эдинбург быстро рос за счет мигрантов, купцы скупали городскую землю и возводили на ней постройки, включая доходные дома. К 1635 г. более половины эдинбургских купцов получали доходы от коммерческой недвижимости. Предприимчивые люди столицы с выгодой вкладывались в сельскую недвижимость, стремясь не столько к ее отчуждению или собственному анаблированию, сколько к перепрофилизации и повышению доходности земель. Их капиталы помогали предпри-

¹ Whyte I. D. *Scotland's Society and Economy in translation*, c. 1500 — c. 1760. P. 142–150.

² Whyte I. D. *Scotland's Society and Economy in translation*, c. 1500 — c. 1760. P. 115–118.

³ Merk — шотландская серебряная монета, равная по стоимости приблизительно одному английскому шиллингу.

⁴ Whyte I. D. *Scotland's Society and Economy in translation*, c. 1500 — c. 1760. P. 142–150.

имчивым лордам сводить разрозненные участки в единое поле, а купцам с выгодой продавать зерновые. Особенно охотно инвестиции шли в Лотиане, переживающем в начале XVII в. быструю аграрную трансформацию¹.

Реформация и конфессиональная ситуация

Реформация в Шотландии проходила под воздействием европейского конфессионального размежевания, английской королевской Реформации, стремления Франции и папства не выпускать Шотландию из сферы своих интересов и Англии, которая хотела, по меньшей мере, обезопасить себя с севера. Отсюда проистекает профранцузская ориентация одной части шотландской элиты и проанглийская другой, получающей нередко деньги и пенсии из Лондона. Постоянно меняющиеся матримониальные проекты основных актеров на шотландской политической сцене — лишь видимое свидетельство этих противоречий. Очевидно, что желание либо продвинуть Реформацию в Шотландии, либо предотвратить ее в разной степени присутствовало как в пределах королевства, так и вне его. Важной причиной, которая подпитывала желание многих шотландских магнатов и лэрдов провести Реформацию, были земли и богатства католической церкви в Шотландии: за их счет они и королевская власть могли существенно пополнить доходные статьи.

С началом Реформации в Европе реформационные идеи начали проникать в Шотландию. Уже в 1525 г. парламент принял первые законы, запрещающие ввоз в королевство лютеранской литературы. В 1528 г. в Шотландии был казнен первый протестант. Показательные процессы против протестантов имели место в 1534 и 1541 гг., что заставило некоторых из них покинуть страну. Среди изгнанников был и будущий лидер шотландских кальвинистов Джон Нокс (1510–1572). Этот бывший католический священник в 1546 г. добровольно присоединился к дворянам, захватившим замок Сент-Эндрюс и убившим в отместку за казнь Джорджа Уишарта (протестантского наставника Нокса) кардинала Битона, был вначале сослан французами на галлеры, а позже пребывал в изгнании сначала в Англии, а затем во Франкфурте и центре европейского кальвинизма — в Женеве².

После неожиданной смерти в 1542 г. шотландского короля Якова V (1528–1542) корона формально перешла к малолетней Марии Стюарт (1542–1567). В условиях борьбы между шотландскими кликами и находясь под английским давлением, шотландский парламент в 1543 г. разрешил чтение Библии на шотландском языке. На практике это означало разрешение на ввоз в страну английского перевода Библии, сделанного Тиндалом. Регентша Мария де Гиз (1554–1559) относилась к протестантам терпимо. Число сторонников Реформации среди магнатов, лэрдов, горожан и клира Равнинной Шотландии постепенно росло. Протестанты быстро превратились в хорошо организованное и влиятельное меньшинство. Их роднило со многими магнатами и лэрдами недовольство французским влиянием и французским браком, заключенным в 1558 г. между Марией Стюарт и французским дофином, о чем они заявили открыто в декабре 1557 г. подписанием бонда. В результате возник орган Лорды конгрегации, направляющий сопротивление. Подписавшие бонд рисовали Шотландию богоизбранной страной и накладывали на себя обязательства защищать Евангелие и новую веру³.

¹ Ibid. P. 148–150.

² Mason R. Renaissance and Reformation: The Sixteenth Century // Scotland. A History. Oxford, 2005. P. 102–106.

³ Ibid. P. 106–110.

В 1558 г. Джон Нокс публикует трактат «Первый трубный глас против чудовищного правления женщин», в котором открыто призвал к свержению Марии Тюдор в Англии и Марии де Гиз в Шотландии. В 1559 г. он вернулся на родину и начал свою проповедническую деятельность в графствах Лоуленда. Проповедник вскоре стал связующим звеном между многими магнатами и лэрдами. Конгрегацию подержали графы Аргайл, Гленкарн и незаконнорожденный брат Марии Стюарт Джеймс Стюарт, в недалеком будущем граф Морей. Деятельность Нокса способствовала появлению новых бондов. Королевство оказалось на пороге религиозной войны. Регентша Мария де Гиз готова была использовать войска¹.

В мае 1559 г. после проповеди Нокса в Перте против католичества («идолопоклонства») вспыхнуло восстание. В июле 1559 г. восставшие заняли Эдинбург. Протестантов в Шотландии не без колебания поддержала Англия, Марию де Гиз — Франция. Ноксу уже виделся союз двух протестантских монархий против Контрреформации. Кампания в военном смысле была для англичан неудачной, но вскоре умерла Мария де Гиз, а во Франции начались религиозные войны, что позволило Англии заключить выгодный Эдинбургский договор, по которому власть в Шотландии передавалась совету протестантских лордов, и французские войска подлежали эвакуации. Заключенные одновременно между Лордами конгрегации и шотландской королевой Марией Стюарт «Уступки» существенно ограничивали функции королевской власти². Собравшийся в 1560 г. шотландский парламент, в который против традиции избрали более 100 лэрдов, упразднил власть папы над церковью и принял протестантское «Исповедание веры»³.

Таким образом, в отличие от Англии, где Реформация была инициирована короной, в Шотландии религиозные преобразования начались в результате восстания. Может быть, поэтому шотландская Реформация пошла дальше английской и заявила, что церковь является «самостоятельным телом», не подчиненном государству. Но обустройство шотландской пресвитерианской церкви Кирки займет много лет борьбы и неустанных трудов. В 1560 г. Джон Нокс в «Книге дисциплины» изложил свое видение церковного устройства. Состоять церковь по примеру Женевы должна была из приходских общин, основанных на признании равенства всех прихожан, которыми управляют духовные лица и светские служители. Общины объединялись в пресвитерии. Каждая пресвитерия время от времени собирала руководителей приходов на церковные сессии. Верховную власть в церкви предполагалось отдать избираемой на принципах равенства Генеральной ассамблее. Но предложение введения нового церковного устройства тогда поддержки парламента не получило. Однако, невзирая на отказ депутатов, протестантские конгрегации в явочном порядке сформировали Генеральную ассамблею, которая одобрила «Книгу дисциплины»⁴.

Приход объединял верующих. Проповедь и постоянный контакт с прихожанами во время собраний в форме вопросов и поиска совместных ответов укреплял внутри общины чувство единства и сопричастности. Такая форма общения предполагала наличие достаточного числа хорошо образованных священников. Неслучайно Эндрю Мелвилл, один из радикальных реформаторов и основатель шотландского пресвитерианства, полагал, что проповедники должны знать и греческий, и древнееврейские языки.

¹ Ibid. P. 111.

² Петросьян А. А. Эдинбургский договор 1560 // Англия в эпоху абсолютизма / под ред. Ю. М. Сапрыкина. М., 1984. С. 31–68.

³ Mason R. Renaissance and Reformation. P. 111–113.

⁴ Ibid. P. 113.

Дж. Нокс надеялся, что все доходы бывшей церкви пойдут на обустройство новой. Но эта точка зрения шла вразрез с интересами короны и светских лиц. В 1562 г. королева Мария Стюарт сохранила за новыми держателями 2/3 доходов от бывших церковных бенефиций, а последняя треть подлежала разделению между короной и приходами Кирки. Из этих поступлений государство выплачивало содержание приходским священникам. Дж. Нокса особенно волновала проблема недостаточного количества подготовленных священников, которые понесут новую веру в массы. Действительно, в 1560 г. всего четверть приходов имела кальвинистских священников. Но к 1574 г. кадровая проблема была в основном решена. Правда, качество духовенства еще долго оставляло желать лучшего. Подготовкой священников под руководством образованного гуманиста и реформатора Джорджа Бьюкенена занимался колледж Святого Леонарда в университете Сент-Эндрюс. Большинство приходов Лоуленда были укомплектованы проповедниками только во втором десятилетии XVII в. Несмотря на ясно выраженное стремление воспроизвести женевскую церковную модель, в шотландской церкви сохранились епископы, которые, правда, на значительное время утратили былое влияние¹.

Кирка вскоре взяла на себя ответственность за сборы налогов в приходах в пользу бедных. Устанавливаемая в церкви дисциплина предполагала меры принуждения в отношении приверженцев католицизма и недостаточно благочестивых прихожан, например, тех, кто веселился или работал по субботам, когда остальные внимали проповеди, или был уличен в адюльтере. Кирка в последнюю четверть XVI в. оказалась одержима идеей крестового похода против неверия, нередко прибегая к практике отлучения. Органом преследования стали церковные суды (kirk session), где доминировали преимущественно светские старейшины из состоятельных семей. Своеобразным следствием реформационного тренда Равнинной Шотландии стала усилившаяся борьба с ведовством. В 1563 г. парламент принял акт, по которому ведьм должны были преследовать светские уголовные суды и даже выносить за ведовство смертные приговоры. Настоящая охота на ведьм развернулась в Лоуленде в конце XVI — XVII в. В 1590-х гг. правительство Якова VI рекомендовало судам использовать пытки ведьм при дознании. В 1597 г. Яков VI издал специальное сочинение «Демонология», в котором отразились его представления о предмете. Исключением была горная Шотландия, где о ведьмах «знали», но их практически не преследовали. Надо сказать, что позиции Кирки в Горной Шотландии были менее сильными, чем на равнине. Изрядное количество горцев осталось верно католичеству. В начале XVII в. церковь констатировала, что не менее 400 приходов в горах остаются вакантными².

Шотландская церковь сохранила епископат, что порождало многочисленные конфликты между протестантскими епископами и пресвитериями. Пресвитерии настаивали, что им принадлежит право следить за приходскими священниками. В 1572 г. умер Джон Нокс, и лидерство в пресвитерианском движении перешло к Эндрю Мелвиллу (1545–1622), приехавшему из Женевы в 1574 г. Мелвилл публикует новую редакцию «Книги дисциплины», где отчетливо говорится, что церковь является независимым от государства институтом, ответственным только перед Богом. Светская власть, утверждает он, контролирует и руководит поступками людей, но не их душами. Проповедуя пред Яковом, он именовал короля не иначе как «глупым вассалом Господа». Такие притязания пресвитериан оказались неприемлемы не только для монархии, но и для боль-

¹ Ibid. P. 113–114.

² Goodare J. With-hunting and the Scottish State // Scottish With-hunting in context / Ed. by J. Goodare. Manchester. 2002. P. 122–145, 193–197, 236.

шинства светских прихожан Кирки. В 1583 г. Яков VI коронуется и инициирует гонения на радикальных пресвитериан. Мелвилл и многие другие священники спасаются бегством в Англию. Яков VI настаивал, что руководить духовными лицами должны подчиненные и назначаемые королем епископы. «Черные акты» парламента 1584 г. раз и навсегда установили королевское верховенство над шотландской церковью. Они запрещают созывать пресвитерианские синоды без разрешения короля, а также принимать на них какие-либо постановления, не получив предварительно королевского одобрения. Новое законодательство передает управление церковью в руки назначаемых короной епископов и строго-настроено запрещает священникам затрагивать государственные дела в проповедях. Власть епископов парламенты 1580-х — начала 1590-х гг. то усиливали, то, напротив, ограничивали. Пока, наконец, за Генеральной ассамблеей и пресвитериями не было признано право определять внутреннюю жизнь церкви.

Мелвилл, вернувшийся из изгнания, мужественно проповедовал, что Шотландия, все больше и больше напоминающая ему избранный Господом «новый Израиль», состоит из двух королевств. Одно из них — Кирка, и королем в ней является Иисус Христос, а Яков VI, правитель другого королевства — государства, в церкви король — ни господин, ни глава, а просто прихожанин. Стюарт сделал ставку на умеренных пресвитериан в Кирке. В 1592 г. он дал согласие на ратификацию парламентом второй «Книги дисциплины» и усилил гонения на пресвитерианских радикалов. Корона не отказалась от своего намерения усилить позиции епископов. Об этом Яков VI недвусмысленно заявил в 1598 г. в своем трактате «Царский дар». В 1606 г. парламент вернул епископам их епархии и их места в парламенте. В этом же году Мелвилл и его сторонники вновь были изгнаны из страны. Вскоре пресвитерии были вынуждены признать «посредническую» миссию епископов в религиозных делах и спорах. В 1610 г. были восстановлены все епископальные епархии. В 1612 г. парламент упразднил подчиненность епископов Генеральной ассамблее. С этого времени Яков VI откровенно высказывается в пользу того, чтобы Генеральная ассамблея утратила право регулировать церковную жизнь. Король полагает, что для этого достаточно его королевских эдиктов. Посещая в 1617 г. Шотландию, Яков VI предложил ввести в пресвитерианское богослужение обряды причащения, крещения и обязательное коленопреклонение при причастии. Монаршие новации были восприняты пресвитерианами как движение в сторону восстановления католицизма. Генеральная ассамблея отвергла их. Но король провел свои предложения через вновь собранную Генеральную ассамблею в Перте, в которой его сторонники оказались в незначительном большинстве. В 1621 г. пертские статьи одобрил шотландский парламент. Но претворение их в жизнь вызывало открытое сопротивление и неповиновение. В итоге король уступил и перестал настаивать на обязательном соблюдении пертских статей. Ощущая противодействие, Яков VI не решился предложить церкви принять молитвенник, подготовленный на основе англиканского¹.

Очевидно, что к началу революции власть короны над пресвитерианской церковью усилилась. Однако Генеральная ассамблея как коллективный управляющий церковью орган в значительной степени сохранила свою независимость, а значит, и независимость церкви от королевской власти.

Политический порядок

Шотландия с точки зрения управления была менее централизована, чем Англия. Тюдорам в Англии удалось практически полностью покончить с автономией знати и

¹ Goodare J. State and Society... Ch. 6.

подорвать ее влияние в графствах. Порядок же в Шотландии, напротив, мог поддерживаться только в кооперации с магнатами и клановыми вождями, которые контролировали и управляли целыми территориями. О слабости власти свидетельствует то, что между 1406 и 1625 г. только два короля из семи умерли в своих постелях, и в течение 77 лет страной за спинами несовершеннолетних царственных особ управляли различные группировки и клики. Мать Якова VI Марию Стюарт фактически низложила протестантская аристократия, затем страна пережила гражданскую войну, юного монарха в 1582 г. захватила группировка протестантских лордов и держала более года в замке Уильяма Рутвена. Стабильность режима, таким образом, зависела от личного авторитета короля и его способности выстраивать отношения с влиятельными магнатами. Магнаты легко набирали армии из своих держателей и нередко вели «приватные войны» друг с другом. Особенно это касалось горной части и Пограничья. Нередко король, не имеющий постоянной армии, поручал лояльным лордам подавлять инициированные клановыми вождями волнения. Так, в 1594 г. правительство делегировало графу Аргайлу право набрать вооруженные силы и усмирить мятеж католических лордов. При такой политической системе важны были формальные и неформальные инструменты и каналы соучастия влиятельных лиц и корпораций в управлении страной и принятии важнейших политических решений — парламент, Генеральная ассамблея, конвенции городов и сословий, встречи и консультации короля с магнатами при дворе и т.п.

Джулиан Гудэр выделяет четыре группы «повседневного» влияния при шотландском дворе: 1) должностные лица Тайного совета и 2) главных дворцовых служб (например, гофмейстер и др.). Часть последних входила и в Тайный совет. Они ежедневно могли контактировать с монархом, соучаствовать в выработке решений, осуществлять функции лоббистов; 3) влиятельные магнаты, которые приезжали ко двору. Многие из них считались членами Тайного совета и участвовали в его заседаниях во время пребывания в столице. У магнатов были свои специфические интересы, связанные с контролируемыми ими территориями, придворным соперничеством и межклановыми и межгрупповыми конфликтами. Как правило, доминантные члены всех трех упомянутых групп являлись получателями английских пенсий; 4) английские представители (послы), которые практически все время присутствовали при шотландском дворе. Они продвигали английские интересы, поддерживали с помощью английских субсидий «английскую партию» в Шотландии, т. е. отдельных придворных и магнатов. Монархия, дорожившая стабильностью, не могла не считаться с интересами упомянутых групп. Ей приходилось подталкивать их к сотрудничеству, играть роль модератора, находить компромиссы и идти, хотя бы отчасти, навстречу их ожиданиям¹.

Исследователь, кроме того, выделяет четыре значительных общественных центра влияния на политику монархии: 1) протестантская церковь, имеющую свои органы влияния — Генеральную ассамблею, пресвитерии; 2) города, время от времени собирающиеся короной на конвенции; 3) юристы — судьи, адвокаты, клерки, которые в 1532 г. объединились в особый Колледж правосудия. В конце XVI — начале XVII в. Колледж трижды получал специальные акты, которые наделяли его привилегиями, сопоставимыми с привилегиями сословий; 4) землевладельцы, по статусу стоящие ниже магнатов, — пэры и лэрды².

Однако и в Шотландии государственная власть заметно окрепла. Надо сказать, что в последнее время оценки Якова VI как слабого монарха в историографии существенно

¹ Goodare J. Government of Scotland 1560–1625. P. 34–36.

² Ibid. P. 56.

корректируются. Он все чаще предстает тонким, гибким политиком, последовательно изменяющим облик страны.

Действительно, Яков VI занимал шотландский трон 58 лет, 23 из которых одновременно являлся королем Англии. Его отец лорд Дарнли был убит, когда мальчику едва исполнилось полгода. Мать — католичка Мария Стюарт — тут же вышла замуж за предполагаемого убийцу лорда Босуэла и вскоре была низложена восставшими магнатами. Низложение Марии и ее бегство в Англию не прекратили гражданскую войну, которая продолжалась до 1573 г. Англия была активной стороной в конфликте, поддерживая войсками и деньгами партию малолетнего крещенного по протестантскому обряду короля. В 1580–1590-х гг. молодому монарху пришлось, проявляя изворотливость и твердость, противостоять радикальным протестантам во главе с Мелвиллом. В эти же десятилетия король обрел славу знатока искусств, поэта, драматурга и политического мыслителя. Известность получили его трактаты «Демонология» (1597), «Истинный закон свободной монархии» (1598), «Царский дар» (1599). Тогда же стала проявляться его склонность к фаворитам исключительно мужского пола.

Этот рефлексирующий монарх, сочиняющий трактаты и стихи, умел продавливать свою линию. Свидетельством может служить фактическое прекращение «приватных войн» в конце XVI — начале XVII в. Он заставил Елизавету Тюдор, ведущую изнурительную и дорогостоящую войну с Испанией, выплачивать ему ежегодную пенсию в размере 4 тыс. английских фунтов и, в конце концов, завещать корону Англии. Вместе с тем король прекрасно чувствовал допустимые пределы давления. Он нередко шел на компромисс и даже отступал от уже принятых и даже утвержденных решений. Укрепленные институты и подобранные люди достаточно успешно управляли Шотландией после переезда Якова в Англию¹.

Дж. Гудер полагает, что во второй половине XVI — начале XVII в. в Шотландии произошла «революция в управлении» и даже говорит о становлении абсолютизма. Под «абсолютизмом», по его мнению, следует понимать некую идеальную централизованную государственную модель. Ее пытались достичь во многих странах Европы, но до конца она нигде так и не была реализована². В Шотландии усилилась централизация страны. В центре управления находился монарх, который, по факту, активно взаимодействовал с магнатами. Знать через клиентельные взаимоотношения поддерживала порядок в графствах. Магнаты, бывающие при дворе, числящиеся нередко членами Тайного совета, реализовывали формально и неформально принцип взаимодействия центра и регионов³.

Никто не оспаривал божественное происхождение передаваемой по наследству королевской власти. Однако никто и не исключал, что власть короля, противоречащая законам и обычаям, может превратиться в тираническую. Тираном, в конечном счете, сочтет Джордж Бьюкенен Марию Стюарт⁴. Он же будет писать, что государство было создано людьми посредством договора. Они избрали монарха, который в своих дей-

¹ Reign of James VI / Ed. by J. Goodare and M. Lynch. East Linton, 2000.

² Goodare J. Government of Scotland 1560–1625. P. 4–6, Ch. 12. Дж. Гудер не скрывает, что термин «революция в управлении» позаимствован у Дж. Элтона, который употреблял его для английских реформ Генриха VIII и Томаса Кромвеля. См.: Elton G. Tudor Revolution in Government. Cambridge, 1976.

³ Goodare J. Government of Scotland 1560–1625. P. 6–16.

⁴ Gatherer W. A. Tyrannous Reign of Mary Stewart: George Buchanan's Account. Edinburg, 1958.

ствиях ограничен законами и подотчетен народу. Народ, утверждал Бьюкенен, сохраняет право на сопротивление, если король выходит за рамки права и превращается тем самым в тирана. В Шотландии преобладало представление о королевской власти как некоей совокупности «вольностей и прерогатив», которые отданы короне по закону и в рамках которых она абсолютна. Правда, Яков VI предпочитал говорить о некоей общей, нерасчлененной, богом данной прерогативе¹.

В теории король принимал решения единолично, но на практике, конечно, зондируя возможную реакцию на предпринимаемые шаги со стороны общества. Его консультантами становились магнаты, приближенные ко двору и лоббирующие различные интересы, должностные лица двора и структур управления и, в случае созыва, парламент. Как замечает Дж. Гудер: «Абсолютизм — никогда не был произвольным правлением, исключаящим консультации. Вопрос заключается в характере этих консультаций»². Отметим, что должностные лица двора нередко с материальной выгодой для себя продвигали перед королем чьи-то интересы.

Монарх в Шотландии назначал всех должностных лиц, созывал и распускал парламент, утверждал законы и внешнеполитические акты, одобрял бонды, решал вопросы войны и мира, руководил внешней политикой и церковью, регулировал внешнюю торговлю, чеканил монету, даровал прощение преступникам, хранил и поддерживал порядок в стране. Большинство этих сфер регулировались не только парламентскими актами, но и традицией и королевскими прокламациями. У короля было диспенсационное право приостанавливать действие парламентских актов³. В отличие от английской короны, которая устанавливала новые пошлины (*impositions*) и перед революцией взимала со всего королевства «корабельные деньги», шотландские монархи долго не решались на подобные шаги. У них не было даже права приобретать продовольствие для двора по установленным ценам. Налоговая сфера целиком относилась к компетенции парламента. Однако в 1590 г. были введены пошлины на импорт вина, но сделано это было по соглашению с сословиями. В 1597 г. ряд пошлин установил парламент, сославшись на королевскую прерогативу⁴.

Главным органом управления в Шотландии стал созданный в 1545 г. при малолетней Марии Стюарт Тайный совет⁵. В отличие от предыдущих неформальных встреч монарха или регента с главами ведомств и магнатов, которые тоже носили название «советов», Тайный совет стал формальным органом, вырабатывающим и протоколирующим решения. В него вошли как статусные лица — магнаты, так и главы различных ведомств и служб. К началу XVII в. численность совета оказалась довольно значительной — более 30 человек. Но его рабочие заседания, как правило, проходили в составе узкой группы непосредственных администраторов. В расширенном составе совет собирался только в периоды политических кризисов и потрясений. Тогда Тайный совет превращался в подобие собрания магнатов. В Тайном совете рассматривались как публичные, так и частные проблемы и вопросы. Члены совета присутствовали в парламенте и представляли там правительственные законопроекты.

¹ Ibid. P. 90–92.

² Ibid. P. 106.

³ Ibid. P. 88–89, 100–101.

⁴ Ibid. P. 102.

⁵ Нам нет необходимости здесь касаться сложной и во многом темной истории совета в предшествующий период шотландской истории. См. об этом: Goodare J. *Government of Scotland 1560–1625*. P. 129–130.

В состав Тайного совета входили судьи Суда сессии, пока в 1626 г. такое совмещение не было запрещено. У Тайного совета, таким образом, помимо административных полномочий наличествовала и судебная компетенция — преследовать уголовных преступников, изменников и разбирать имущественные тяжбы. При этом он не прибегал к услугам жюри присяжных, напоминая тем самым английскую Звездную палату. Особенное беспокойство Тайного совета вызывали случаи кровавых столкновений между магнатами и кланами, и он решительно старался их пресекать. В 1610 г. отдельные советники получили право производить аресты зачинщиков и бунтарей¹.

Тайный совет так и остался единым органом, хотя предпринимались попытки его реформирования и создания внутри специализированных структур. В 1569 г., при регенте графе Морее, были определены четыре сферы, о которых правительству надлежало заботиться в первую очередь: «школа и церковь, законы и их исполнение, военные вопросы и финансы». Тогда же предпринималась попытка учредить четыре ответственных департамента во главе с министрами. С середины 1580-х гг. стали прибегать к созданию комиссий во главе с одним или несколькими членами Тайного совета для проведения каких-то разбирательств, поддержания порядка, выработки рекомендаций и решений. В 1590 г. была учреждена специальная комиссия по Пограничью и Горной Шотландии. Между 1608 и 1623 гг. работала специальная комиссия по островам. Время от времени на заседаниях Тайного совета присутствовал монарх. Но многие рутинные вопросы Тайный совет разбирал и выносил по ним решения самостоятельно.

В 1621 г. Яков VI учредил внутри Тайного совета специальный «кабинет» из 10 членов, но эта реформа не была завершена. После отъезда Якова VI в Англию в 1603 г. вся повседневная исполнительная работа по управлению Шотландией легла на совет, который делал ее от имени короля, нередко принимая отчеты, смещая и назначая должностных лиц. В Тайный совет регулярно поступали инструкции из Лондона и из неформально сформированного там специального Совета по делам Шотландии².

Следующим по значимости органом управления была канцелярия во главе с канцлером. В канцелярии хранилась вся документация, удостоверяющая земельные права владельцев и их наследников. В руках канцлера находилась большая королевская печать, которой скреплялись новые земельные пожалования. Важнейшие государственные акты также скреплялись большой королевской печатью. Но в последнем случае делалось это, скорее, формально, поскольку предварительно решения принимались Тайным советом и документ скреплялся печатью совета. Канцлер в отсутствие короля председательствовал во время заседаний Тайного совета. Канцлер имел место в парламенте, но на заседаниях присутствовал редко. Большинство дебатов проходило без его участия. Непосредственной работой канцелярии руководил директор, т. е. помощник канцлера.

Важную роль играл секретарь, который входил в состав Тайного совета, формировал его повестку заседаний, отвечал за протоколы и распоряжения. Ему подчинялись хранитель печати Тайного совета и клерк (он же регистратор) совета, который непосредственно вел протоколы. В XVI в. в сферу деятельности секретаря входили международная политика Шотландии и надзор за шотландским Пограничьем. После переезда Якова VI в Лондон международная деятельность выпала из компетенции секретаря, но Пограничье как уже внутренняя проблема осталась. Регистратор совета, помимо протокольных обязанностей, подбирал штат Счетной палаты (*exchequer*), отвечал за ведение

¹ Ibid. P. 131–135.

² Ibid. P. 135–142.

отчетности и аудит финансовых средств. Он же подбирал парламентских протоколистов и клерков в Суд сессий¹.

- Существовало несколько финансовых ведомств, среди которых в XVI в. по значимости выделяются ведомство казначея (treasure) и комптроллера (comptroller). Первое собирало доходы от королевских феодальных платежей, прежде всего от опеки земель несовершеннолетних наследников, лицензий и монопольных патентов, чеканки монет. Сюда же поступали доходы от деятельности судов. На казначейство возлагались функции контроля королевского монетного двора. Из средств казначейства, как правило, оплачивался гардероб монарха. К комптроллеру поступали ренты, собираемые с коронных земель, и пошлыны. Поступления в ведомство казначея заметно падали, а в ведомство комптроллера, напротив, существенно росли. Назначались руководители финансовых ведомств исключительно из семей знати и влиятельных лэрдов. Однако патерналистские возможности комптроллера были заметно выше. Часть сборщиков рент (ballivi ad extra) он назначал сам, другая часть была наследственными держателями должностей сборщиков рент. Поскольку владельцы земель посредством процедуры feued out научились отчуждать и королевские земли, эти акции, видимо, не без выгоды происходили при соучастии как самого комптроллера, так и его сборщиков. Комптроллер контролировал деятельность таможенников в королевских городах. Часть их он назначал сам, кандидатуры других подлежали назначению после согласования с ним. Ведомство комптроллера оплачивало расходы по содержанию дворцовых служб (household). Очевидно, что должность комптроллера была одной из самых доходных в Шотландии. В 1610 г. оба ведомства были объединены и подчинены казначею.

Еще два финансовых учреждения появились после Реформации. В 1574 г. было учреждено специальное ведомство генерального коллектора по сбору той трети финансовых сборов с бывших церковных бенефиций, которые предназначались короне и церкви. Коллектор располагал сетью сборщиков. Кроме того, мог воздействовать на тех светских лиц, которые получали доходы с бывших церковных бенефиций. В 1587 г. парламентским актом были аннексированы в пользу короны епископальные земли. Для управления ими было создано еще одно специальное ведомство, просуществовавшее до 1610 г., когда его влили в казначейство. Функции аудита и ревизора по расходованию средств принадлежали Счетной палате (exchequer). Для сбора парламентских налогов создавались специальные «временные» комиссии сборщиков².

Центральные органы судопроизводства

В Шотландии процесс выделения правосудия в отдельную отрасль находился в начальной стадии. Суд сессии, оформленный в 1532 г., являлся главным судом Шотландии и одновременно корпорацией профессиональных судей, членов коллегии правосудия во главе с лордом-президентом, который подчинялся канцлеру королевства. После 1626 г., когда Карл I запретил совмещать должности судей и членов Тайного совета, судьями Суда сессии становились исключительно юристы. Суд сессии разбирает имущественные тяжбы подданных. Правительство поддерживало его деятельность, надеясь положить конец кровной мести и межклановой вражде, которые заметно пошли на спад к началу XVII в.

Всего судей в Суде сессии было пятнадцать, все они находились на жалованьи у государства. Деятельность суда не обходилась без адвокатов, входящих в так называемый

¹ Ibid. P. 145–151.

² Ibid. 152–158.

«колледж правосудия» (college of justice). Штат суда насчитывал значительное число клерков (writers). В 1586 г. судебные тяжбы обслуживали 52 адвоката и 38 клерков, которые ввиду увеличения числа тяжб получали хороший доход. А клиентам суда приходилось подолгу ждать своего разбирательства. Суд сессии функционировал, опираясь на государственные статуты, прецеденты и нормы римского права.

Суд сессии постепенно наращивал объемы разбираемых дел, наступая на юрисдикцию местных судов, которые могли рассматривать имущественные тяжбы, но не имели профессиональных судей. Суд сессии, выдающий фиксированное в документе судебное решение, становился в глазах подданных все более и более привлекательным органом.

Уголовным судопроизводством, включая убийства, заговоры, измену и мятежи, занимался Суд юстициария (Court of justiciary) со своим штатом клерков и со своими комиссиями, которые иногда работали на территориях. Поскольку должностью главного юстициария в Шотландии наследственно владел род графов Аргайлов, то всей административной и повседневной деятельностью суда руководил профессиональный юрист, так называемый клерк юстиции (justice clerk), являющийся членом колледжа правосудия. Должность юстициария не была номинальной. Аргайлы назначали помощников и даже председательствовали в суде, если разбирался важный в политическом отношении случай.

Поскольку короне приходилось инициировать имущественные и уголовные тяжбы, ей нужен был собственный представитель в судах. Так, с конца XV в. королевская власть обзавелась сначала одним коронным адвокатом, а после 1555 г. их стало два. После 1579 г. коронный адвокат был одновременно королевским прокурором, инициируя дела в Суде юстициария и представляя обвинения от лица короны перед Тайным советом. После 1596 г. коронные адвокаты обзавелись собственным штатом клерков.

Криминальная юстиция, разбирающая в том числе дела о супружеской неверности, инцесте, ведовстве, сокрытии иезуитов, ростовщичестве и т.п., вступала нередко в конфликт с церковной юрисдикцией пресвитерий. В конце XVI — начале XVII в. власть предприняла ряд мер, дабы утвердить примат светской юстиции над церковной.

Криминальными и имущественными тяжбами, связанными с морскими перевозками и преступлениями на судах, занимался Суд адмиралтейства. Расширяя свою юрисдикцию, он постоянно находился в конкуренции с судами королевских городов.

Внутри церкви судебными полномочиями обладала Генеральная ассамблея. Однако королевская власть стремилась их ограничить, постепенно усиливая статус и значение епископов. В 1610 г. по аналогии с Англией Яков VI учредил в Шотландии Высокую комиссию. Она преимущественно преследовала католиков, радикальных протестантов и находилась под контролем епископов¹.

Парламент и конвокации

Шотландский парламент существенно отличался от английского. Он был однопалатным. До Реформации его единственная палата формировалась высшим католическим духовенством, магнатами и представителями городов. В середине века к ним добавились лэрды, которых в парламентских документах называли «баронами». В отличие от Англии шотландские города действительно представляли занятые ремеслом и торговлей горожане. После Реформации кальвинистское духовенство пыталось добиться вывода духовных лиц из состава парламента, полагая, что им достаточно Генераль-

¹ Ibid. P. 160–170.

ной ассамблеи. Аргументом служило и то, что значительную часть церковных бенефиций представляли так называемые «поверенные». После секуляризации церковных земель эти места в парламенте занимались исключительно светскими лицами. Но Яков VI предпочел оставить за епископами места в парламенте. В 1606 г. парламент принял акт, формально восстанавливающий епископат, после чего епископы обрели прежнее представительство в парламенте: в 1587 г. стали проводиться выборы представителей от графств. Сословия отдельно вырабатывали собственную позицию, но заседали совместно. Дебаты, впрочем, случались спорадически, поскольку основные вопросы решались в особом комитете «Лорды статей» (Lords of the Articles). На общее собрание палата собиралась редко: только для того, чтобы одобрить разработанные в комитете предложения.

Шотландский парламент собирался нечасто. Между 1560 и 1603 гг. парламент созывали 22 раза, между 1603 и 1689 гг. — 17 раз. По традиции парламент мог быть распущен короной не раньше 40 дней после начала сессии. Помимо парламента королевская власть прибегала к собраниям (конвокациям) представителей сословий. Продолжительность этих собраний была короче. Королевская власть могла пренебречь созывом одной из конвокаций. Конвокация была тем удобна короне, что она проходила без «Лордов статей», через этот квазипарламент быстро проходили нужные власти решения. Общее представительство сословий в середине XVI — середине XVII вв. составляло в среднем полторы сотни депутатов.

Значительную роль в парламенте играли депутаты от городов. Города имели корпоративное представительство вне парламента, делегаты городов проводили общую встречу по меньшей мере один раз в год, а очень часто и 3 раза в год. На конвокации городов вырабатывалась повестка дня и точка зрения городов по актуальным вопросам. Перед лицом знати города хотели иметь общую позицию, солидарно защищать и продвигать свои интересы в парламенте. Находясь в его составе, города действовали коллективно. Они нередко проводили свою конвокацию для координации действий и в ходе парламентских сессий. В 1600 г. конвокация городов решила, что когда соберется конвокация сословий, то те города, которые не посылают своих делегатов, должны заявить, что делегация действует и от их имени. Три года спустя города отправили петицию, что их пожелание не выполнено, что с ними не считаются, а все решения приняты в пользу землевладельческой знати¹.

Местное управление

Центральную власть в графствах представляли разные должностные лица. В экстраординарных случаях на места отправлялись королевские герольды. Обычно же присутствие власти на местах демонстрировали одетые в королевские ливреи, при оружии и подчиненные главе геральдической конторы (Lord Lyon King of Arms) королевские посланцы (messengers at arms) числом примерно в 200 человек, а также шерифы и должностные лица местных учреждений, которые из-за нерасчлененности административных и судебных функций можно называть судами. Посланцы разбирали имуществен-

¹ J. R. Young, 'The Scottish parliament in the seventeenth century: European perspectives' // *Ships, Guns and Bibles in the North Sea and the Baltic States c. 1350 — c. 1700* / Ed. By A. I. MacCinnes, T. Riis and G. G. Pederson East Linton, 2000), pp. 139–72; Goodare J. Admission of lairds to the Scottish Parliament // *English Historical Review*. 2001. Vol. 116, No. 469. P. 1103–1133.

ные тяжбы и различные иски, связанные с долговыми обязательствами. У них была дурная репутация погрязших в мздоимстве клерков¹.

Со Средних веков за порядок и мир на территориях отвечали шерифы. Должность шерифа была как наследственной, так и назначаемой. Она принадлежала либо выходцам из местной знати, либо лэрдам. Шерифы владели на территории своего шерифства землю, там жили их многочисленная родня и клиенты. Они были укоренены в провинциальную среду. Их воспринимали как часть местного ландшафта. Они не считались таящими угрозу чужаками. У шерифа были многочисленные обязанности. Он исполнял фискальные, судебные, административные и даже военные функции. Шериф со своими клерками должен был собирать налоги, пресекать кровавые стычки, бороться с кражами, особенно с угонами скота, следить за правильностью и законностью земельных наследований, даже следить за торговлей скотом. Он преследовал уклоняющихся от уплаты долгов должников и налогоплательщиков. Здесь, однако, шерифы не усердствовали, что нередко вызывало нарекания правительства.

Судебные полномочия шерифов постепенно сокращались под давлением государства, которое старалось переориентировать население так, чтобы оно чаще прибегало к услугам Суда сессии².

Земельных держателей контролировались лендлордами, в том числе через свои private баронские суды. Они разбирали случаи насилия, взыскивали мелкие долги, являлись арбитрами в земельных спорах между держателями, включая пользование общими выпасами. Могли накладывать наказания за преступления. Но у них не было права приговаривать преступника к смерти или телесным наказаниям. В течение XVI в. баронские суды деградировали. Если на землях баронии лендлорда оказывались небольшие городки, которые по определению не могли считаться королевскими, то внутри них существовала своя система администрирования. Как правило, жизнь такого городка контролировалась двумя бейлифами (bailie). Городки подчинялись своему барону, но одновременно обладали значительным самоуправлением. Бейлифы встречались также на тех сельских территориях, которые были меньше бароний, или даже в отдельных сельских поселениях, регулируя споры между соседями-землевладельцами.

Половина территории страны делилась в административном и судебном смысле на *regalities*. На них проживало не менее половины населения страны. Судя по этимологии, каждое *regality* должно было контролироваться короной. В действительности еще со Средних веков многие *regalities* перешли в руки магнатов, передавались по наследству и выставлялись на продажу. Дж. Гудер называет *regalities* «привилегированным типом барониальной юрисдикции». Нередко *regality* включало нескольких бароний, и контролирующей юрисдикцию в *regality* магнат возвышался над остальными. Эти судьи обладали на территориях исключительным правом уголовно преследовать грабителей, убийц, насильников и поджигателей, т. е. вели дела, не подпадающие под юрисдикцию шерифов. Нередко на территории, где осуществляли свои полномочия *regalities*, не было даже шерифов. Иначе говоря, эти должностные лица обладали широкой автономией. Только случаи измены и ведовства на территории *regalities* подпадали под юрисдикцию центральной власти. Корона не желала мериться с привилегиями держателей *regalities*. С конца 1580-х гг. власть существенно урезала их наследственные права и полномочия по уголовному преследованию. Им оставили право арестовывать преступ-

¹ Goodare J. Government of Scotland 1560–1625. P. 174–176.

² Ibid. P. 176–181.

ника, но судить их они могли только ассистируя королевскому судье или королевскому комиссару, приезжающему на территорию regality.

При Якове VI правительство неоднократно и недвусмысленно выражало намерение ликвидировать наследственную юрисдикцию шерифов и держателей regalities, заменив ее оплачиваемыми и назначаемыми судьями. У короны прослеживалось стремление окончательно сокрушить патронаж магнатов, заставив их и их клиентов добиваться только королевского патронажа. Она хотела видеть магнатов исключительно алчущими милостей придворными. Однако у нее не хватало воли и ресурсов. Да и сами шотландские магнаты стремились сохранить традиционные инструменты влияния на своих землях. К концу правления Якова VI в руки короны перешло только восемь наследственных должностей шерифов. Успехи по борьбе с regalities были еще более скромными¹.

В городах Шотландии существовало самоуправление, представленное городскими советами, магистратами и ремесленными и торговыми гильдиями. Каждая гильдия обладала и собственной юрисдикцией. В городах действовали суды с юрисдикцией, аналогичной юрисдикции шерифов в сельской местности. Они же собирали городские налоги. Должностные лица городских судов были выборными. Исключение составляла должность таможенника, которого назначала корона².

По аналогии с Англией, королевская власть в Шотландии время от времени прибегала к созданию различных комиссий для инспектирования территорий и борьбы с криминалом. Нередко полномочиями создавать комиссию на местном уровне для помощи бедным или противодействию кражам получало частное, но авторитетное лицо. Своеобразным итогом деятельности комиссий стало учреждение в 1609 г. в графствах и городах мировых судей. Мировые судьи числом 400 человек и их констебли, получающие власть от короны, начали отодвигать наследственные административные и судебные институты на периферию. Мировые судьи должны были бороться в первую очередь с криминалом — бродяжничеством, вырубками леса, кражами, бунтами — и могли наказывать преступников³.

Вооруженные силы

Шотландия, как и Англия, не имела постоянной армии. Яков VI (I), выступая в английском парламенте, говорил о том, что у королей Шотландии никогда не доставало в казне денег, чтобы оплачивать постоянную армию. Они в случае нужды обращались к знати и дворянам, которые собирали солдат, обеспечивая их деньгами и продовольствием⁴.

Действительно, вооруженные силы в массе своей не оплачивались из королевской казны. После Реформации и подписания Эдинбургского договора (1560) с Англией для Шотландии в значительной степени исчезла угроза внешнего вторжения. Но внутренние мятежи и волнения продолжали оставаться чуть ли не повседневным делом. Для борьбы с бунтами и волнениями во вторую половину XVI в. использовались набираемые на время из лэрдов и состоятельных держателей частные контингенты магнатов. Бойцы таких армий вооружались и экипировались самостоятельно. Считалось, что привлекаемые солдаты должны были захватить с собой из дома продовольствие из расчета на 15 дней похода. По меркам континентальной Европы такие временные отряды были

¹ Ibid. P. 181–190.

² Ibid. 190–191.

³ Ibid. P. 192–215.

⁴ Ring James VI and I. Political Writings / Ed. by J. Sommerville. Cambridge, 1994. P. 177.

вооружены и подготовлены весьма слабо. Не следует думать, что бойцы частных армий совсем не имели никакой подготовки. Время от времени их собирали на специальные короткие сборы (*warinshawing*).

В 1580–1590-х гг., когда королевской власти пришлось столкнуться с неоднократным вооруженным сопротивлением, начали формироваться профессиональные вооруженные контингенты во главе с командирами, получившими боевой опыт на континенте в качестве наемников. Офицеры и солдаты таких подразделений получали жалованье. В ходе баталий они сражались бок о бок с контингентами лордов. Яков VI намеревался во второй половине 1590-х гг. создать постоянную армию и довести ее численность до 15 тыс. человек. Наемные контингенты предписывалось набирать не из числа благополучных крестьян, а из бродяг и прочего сброда.

В начале XVII в. в Шотландию вместе со служившими на континенте офицерами приходит практика набора солдат для осуществления конкретной военной экспедиции. Будущий командир, получающий из казны деньги, являлся при этом не только военным, но и желающим заработать на походе предпринимателем. Так, в 1608 г. лорд Окилтр, имеющий боевой опыт в Голландии, получил патент и деньги для набора 500 человек и осуществления карательной экспедиции на острова. С конца XVI в. шотландцы активно нанимаются для службы в Европе. Особенно их поток увеличивается в армии протестантских государств с началом Тридцатилетней войны.

Королевскую гвардию впервые ввела Мария Стюарт. В 1580–1590 гг. произошло ее второе рождение. В зависимости от наличия денег и английских субсидий количество гвардейцев колебалось от 200 до 50 человек. После усмирения страны гвардия короля либо вообще переставала существовать, либо существовала в очень урезанном виде¹.

Имперский проект и шотландская самоидентификация

Шотландские подданные Якова VI благожелательно отнеслись к тому, что их правителю выпала миссия объединить две короны и две протестантские страны. Однако они не были столь единодушны в восприятии места Шотландии в будущем союзе. Шотландцы опасались, что претворение в жизнь имперской идеи монарха превратит Шотландию в английскую периферию. Отчасти страх опирался на память о длительном историческом противостоянии двух королевств, а также на традиционные мифологемы. В Шотландии верили, что их королевство основано потомками легендарных Гойдела из Афин и Скотты, дочери египетского фараона, которые покинули Египет незадолго до того, как Моисей организовал исход евреев. Их дети перебрались в Ирландию и Шотландию, где в 330 г. до н. э. (время деяний Александра Македонского) Фергус создал королевство. Затем римляне и пикты временно выдавили шотландцев в Ирландию, но к началу V в. шотландцы вернулись и восстановили королевство. Примерно с этого времени шотландцы вели историю своего противостояния с англами и саксами. В 1527 г., во время конфликта с Англией, Гектор Бойса (*Hector Boece*) выпустил «Историю Шотландии», где представил сфабрикованную генеалогию шотландских монархов, выводя ее от уже упомянутого легендарного Фергуса. Спустя шесть лет Джон Мэйр (*John Maier*) в «Истории Великой Британии» опроверг шотландские и английские мифические традиции, отверг претензии англичан на верховенство и высказался за равноправное объединение королевств посредством династического брака. У него речь шла о Якове IV Шотландском и Маргарэт Тюдор, но его построения подходили и для их внука Якова VI. Мэйр, причем, высказывался именно за создание империи.

¹ Goodare J. *State and Society in Early Modern Scotland*. Ch. 5.

Однако имперская идея столкнулась с авторитетными оппонентами в лице Джона Нокса и Джорджа Бьюкенена. Последний вообще, как известно, склонялся к аристократическому республиканизму, избираемости короля и отстаивал право подданных на сопротивление тирании. Но Нокс и Бьюкенен тоже разделяли мысль об объединении королевств в единое государство Великобритании.

О важности единения Англии, Шотландии и Ирландии в конфедеративный союз писал Эндрю Мелвилл. Он полагал, что только объединившись, можно противостоять гегемонистским устремлениям Испании и наступлению Контрреформации. Союз Англии и Шотландии виделся ему первым шагом на пути создания широкой конфедерации протестантских государств. Дэвид Юм, другой лидер пресвитериан, в 1605 г. выступал уже за «сплав» народов Британии, т. е. за полную политическую и конфессиональную унификацию¹.

SUMMARY

This paper considers a number of significant themes in the Pre-Revolutionary Scotland such as: demography, Borders, Isles, Lowland, Highland, social structure and relations between and within societies, towns, center and localities, economic growth, overseas trade, the Reformation and the church, political order, courts, the Parliament, armed forces, local administration, the imperial project of James VI. Each theme has been a focus for important new research, and altogether they provide a series of interrelated facts illustrating the dynamic nature and complexity of Scottish history during that period.

¹ Macinnes A. *Op. cit.* P. 13–17.